

НАТАЛЬЯ БЕРЗИНА

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

ВВЕРХ ПО ДОРОГЕ,
ВЕДУЩЕЙ В АД

Наталья Берзина

Вверх по дороге, ведущей в ад

«Центрполиграф»

2009

Берзина Н. А.

Вверх по дороге, ведущей в ад / Н. А. Берзина —
«Центрполиграф», 2009

Инга слишком доверяла своему другу Валерию и не отказалась от экстремального похода на безлюдное плато. Однако судьба обошлась с ними жестоко: они попали в плен к бандиту Маркелу, а его подельники не брезговали ни работорговлей, ни наркотиками, ни жестокими убийствами. Места кругом глухие, и помощи ждать неоткуда. Инге оставалось только уповать на древние тайные силы дремучей тайги да, может быть, еще на чей-то зоркий и равнодушный взгляд...

© Берзина Н. А., 2009
© Центрполиграф, 2009

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	31
-----------------------------------	----

Наталья Берзина

Вверх по дороге, ведущей в ад

Забиваемый в трещину крюк звенел как струна. Ударив для надежности еще пару раз, Валера защелкнул карабин, одним заученным движением закрутил муфту и, переместившись на длину страховочного уса, принялся вколачивать в едва заметную трещину очередной крюк. Осталось преодолеть всего метров пять и можно будет навесить основательные перила. Группа терпеливо ожидала завершения операции на небольшой скальной полке. Как только Валера закончит свою работу, они приступят к переправе. Маршрут выбирали скрупулезно. Так чтобы и места были интересные, и сложность соответствующая. Непросто найти такое место, чтобы всех устраивало, но когда Валера предложил пройти по забытому богом плато, идею поддержал весь клуб. Сложность представлял не столько сам маршрут, сколько подходы. Их практически не было. По сопкам до стены, а вот дальше уже начинался тот самый затерянный мир. Без малого на сотню километров простиралось почти не изученное плато, изрезанное узкими ущельями, местами покрытое непроходимой тайгой, а чаще являвшее собой каменную пустыню, которую считали одним из вероятных мест захоронения Чингисхана. Из группы в это, конечно, мало кто верил. Сколько таких версий они уже слышали! Но тем не менее именно поиски кургана и значились в графе «цель похода». Над этим пунктом здорово повеселились спасатели, когда группа регистрировалась перед выходом на маршрут.

– Вы бы хоть в Туву отправились, там, мне кажется, шансов больше! – улыбнулся секретарь. – В этом году на плато вы уже третьи уходите. За все время моей здесь работы никто туда не совался, а тут как с цепи сорвались. Всем подавай плато. Вчера группа ушла, неделю назад тоже. Вы там поаккуратнее. Ближайшая радиостанция у погранцов. Они, конечно, слушают открытые частоты, но не думаю, что всегда. С нами вы оттуда не свяжетесь, далеко! Так что рассчитывать можете только на себя.

– Не впервой! – с гордостью заявил Валера. – У меня в группе происшествий никогда не было. Да и к границе мы соваться не собираемся. Сделаем петлю по плато и назад. Времени у нас всего две недели.

– Ну да, конечно! Только машину на вашем месте я бы заказал заранее. Дорога там, конечно, есть, на подходе, но, боюсь, подхватить вас будет некому. В лучшем случае один грузовик за день проходит, да и то груженный. Вы, если что, тормозите и договаривайтесь, чтобы за вами кто-нибудь приехал, иначе топать вам сотню километров до ближайшего поселка. Или лучше не искушайте судьбу, а выходите на трассу. Там авось кто и подберет! – напутствовал их спасатель.

ГАЗ-66 трясло невероятно. Инга старалась не раскрывать рта. Ее постоянно преследовало ощущение, что еще немного – и зубы просто раскрошатся в порошок, превратятся в такую же мелкую въедливую пыль, как та, что проникала в затянутый драным брезентовым тентом кузов. Танюша, вторая девушка в группе, в который раз смачивала водой из фляги носовой платок и старалась дышать только через влажную ткань. Впрочем, и ребятам доставалось не меньше. Они нутужно кашляли, выплевывая за борт отвратительные коричневые сгустки слюны, перемешанной с надоедливой пылью. На то, чтобы преодолеть расстояние в триста километров, понадобилось почти шесть часов. Когда наконец грузовик остановился прямо посреди подступившей к гравийке тайги, Инга попыталась встать, но ноги держали плохо. Она пошатнулась и, уцепившись за борт, двинулась на дрожащих ногах к выходу.

Валера уже руководил выгрузкой снаряжения. Заметив, что Инга едва стоит на ногах, легко подхватил ее на руки и осторожно поставил на землю.

– Ты как? – спросил он, вглядываясь в глаза девушки.

– Ничего, нормально, только вот сидеть, наверное, не смогу неделю! Отбила все, что можно и нельзя! – слабо улыбнулась Инга в ответ.

Отправиться в этот поход ее уговорил Валера. Старый надежный друг. Вместе учились в школе, жили неподалеку, обменивались личными тайнами. Даже во время учебы в институте находили время, чтобы, уединившись, поплакаться друг другу в жилетку. Они так долго встречались, что окружающие были абсолютно уверены – свадьба не за горами. Только ни Инга, ни Валера не обращали на разговоры ни малейшего внимания. По утверждению самой Инги, Валера – друг, и только друг. Впрочем, его, похоже, такое положение вполне устраивало: время от времени, когда Инга была не против, он с удовольствием сопровождал ее на дискотеки или в кино, всякий раз доводя до дома и сдавая родителям, что называется, из рук в руки. Уж сколько мама Инги затевала разговор с дочерью, что лучше парня ей не найти, девушка оставалась непреклонной. Валера только друг и не больше! Давно остались за плечами студенческие годы. Валера всерьез занялся горным туризмом, не забывая при этом достаточно успешно строить карьеру. Инга тем временем стала признанным специалистом в таком, казалось бы, совершенно не женском деле, как логистика. Только жили они, что называется, параллельно. Девушка все искала своего суженого, а Валера вообще сторонился девушек, смешно теряясь в присутствии напористых красавиц. Инга уже откровенно мечтала о создании семьи. Вот и недавно после разрыва с мужчиной, за которого даже собиралась выйти замуж, она первым делом позвонила Валере. Он примчался немедленно. Как всегда, живой, стремительный и такой же, как и раньше, внимательный, отзывчивый.

– Рассказывай, что у тебя стряслось? – первым делом спросил он, едва войдя в знакомую квартиру на восьмом этаже.

– Он меня бросил! Завел себе какую-то девицу и отказался от меня! – с трудом сдерживая слезы, призналась Инга.

– Понятно! Разве я тебе не говорил, что он не тот человек, который тебе нужен? Скажи, я тебя предупреждал? Сколько раз тебя просил, не связывайся с сомнительными личностями! Знаешь, дорогая, либо тебе придется тщательнее выбирать, либо научись бросать сама. Это легче, поверь мне!

– Ты говоришь так, словно уже научился менять девиц как перчатки! Сам-то ты кого-нибудь бросал? Или, вернее, у тебя кто-нибудь был? Что ты девственника строишь? Разве тебе это не нужно? Или ты интересуешься не женщинами? – в сердцах наинулась на Валеру Инга и тут же осеклась. В глазах друга она прочла такое, что невольно замолчала. Выдержав долгую паузу, она вдруг обняла Валеру и, прижавшись щекой к его плечу, сказала: – Прости меня, дуру. Я не хотела тебя обидеть. Сама не знаю, что на меня нашло. Понимаю все, но ничего не могу с собой поделать. Я даже представить себе этого не могу. Прости меня, Валерка!

– Ничего, дело уже прошлое! – как-то глухо отозвался он и отвернулся от Инги. Слишком близко она была, слишком сильно его к ней влекло, но почему-то ему казалось, что это совершенно невозможно.

Только уже вечером, когда Инга пила неизменный растворимый кофе, столь любимый в их семье, а Валера не спеша потягивал черный, крепкий, терпкий чай, разговор зашел об отпуске.

– Ты чем собираешься заниматься в этом году? Снова в Турцию? – спросил он.

– Нет, туда я больше не хочу! Снова станут цепляться всякие! Надоело! Может быть, с родителями на дачу. Не решила, – ответила Инга.

– А у тебя когда отпуск? – поинтересовался Валера.

– Через месяц. Так что никуда и не поедешь. В Крым рано. Еще море холодное. Вообще в этом году все не слава богу. Отпуск в конце мая, с Владиком разругалась...

– Может, с нами, в горы? – робко спросил Валера.

– Только гор мне не хватало! – возмутилась Инга. – Хотя... А почему нет? По крайней мере, забуду о личных неприятностях! Только я ведь ничего не умею! Ни кашеварить, ни палатку ставить!

– Этого от тебя никто не требует. Ты в хорошей физической форме. Ходишь хорошо. Попробуй! Да и ребята в группе хорошие! Вы друг другу понравитесь.

– А давай! В любом случае будет что вспомнить! Только мне, наверное, все же потренироваться нужно будет!

– Разумеется! Вот завтра к семи часам и подъезжай в клуб. Я сам тебя натаскаю.

– Договорились! – согласилась Инга.

За месяц почти ежедневных тренировок она научилась почти всему, что знал и умел Валера, да и остальные ребята из группы помогали Инге кто чем мог. Ко времени отъезда она уже была в группе не из последних. Оставался лишь пустяк – добраться до стены и подняться на плато.

Сейчас Инга с замиранием сердца поглядывала вниз, где на глубине более ста метров кучерявились кедры и лиственницы. До плато оставался последний траверс.

– Да, конечно, я обязательно это сделаю! Не сомневайся, мамочка! – Он улыбнулся. Разговор с мамой всегда немного развлекал его. Она по-прежнему считала его ребенком. Ничего удивительного, всю жизнь слишком редко виделись. Нерастрченная материнская любовь кипела в ней. Даже сейчас, когда их в очередной раз разделяли многие тысячи километров, она звонила ему едва ли не ежедневно. Выслушав очередные наставления, Арсений согласно кивнул, словно мама могла его видеть.

– Ты не кивай! Отвечай: согласен с тем, что я тебе предлагаю? – продолжала настаивать мама.

– Согласен! Только на это потребуется определенное время. Давай договоримся, я выполню твою просьбу, но только не раньше осени. Все равно Леокадия Марковна летом никуда выезжать не собирается. Я с ней связывался. У нее племянница в университет поступает. Не хочу ее лишний раз беспокоить. Лучше скажи, как у вас там погода? Шторма не начались?

– Нет! Я вижу, ты не хочешь больше со мной разговаривать! Ладно, пусть будет по-твоему. Но осенью мы собираемся вернуться. И я и отец, очень соскучились по тебе!

– Я тоже, мама. Надеюсь, что мы наконец встретимся. Пока, у меня уже батарея садится.

– До встречи, сынок!

Арсений отключил телефон. Индикатор заряда действительно едва светился. Сегодня нужно будет снова заряжать аккумуляторы. Всему приходит конец! Телефон иногда самопроизвольно выключается. Топлива для движка осталось совсем мало. Да и с солью проблемы. Как бы не пришлось выбираться раньше, чем планировал. Не глядя, он подхватил неразлучный «зауэр», протер ладонью осевшую на затворе влагу и, закинув на плечи рюкзак, легко двинулся вверх от реки, навстречу нависающей над долиной скальной стенке. Каменистая осыпь ползла под тяжелыми ботинками, каждый шаг таил опасность. Обходя наиболее рискованные участки, он уверенно шагал, взбираясь все выше и выше. Воздух, насыщенный влагой, становился промозгло холодным. Запахло снегом. Где-то поблизости ревела падающая с высоты вода. Осыпь закончилась. Арсений свернул в густые заросли жимолости и, пригнувшись, буквально прополз под низкими ветками. Крошечная полянка отвесно обрывалась к бурлящей реке. Могучий водопад открылся во всей красе. Ледник, нависающий над обрывом, словно выдавливал из-под себя бушующий поток, который, срываясь вниз, кипел в исполинской каменной чаше. Не задерживаясь, Арсений направился прямо к водопаду. Обогнул струю ледяной воды, прильнул к каменной стене и, стараясь не поскользнуться, осторожно двинулся под прикрытием водяной завесы. Мокрые камни не могли быть надежной опорой, но буквально через десяток

шагов, за выступом, обнаружились надежные перила, навешанные несколько лет назад. Путь стал безопаснее. Арсений, придерживаясь левой рукой за туго натянутую веревку, прошагал еще метров двадцать и нырнул в узкий темный туннель. Сочающаяся под ногами вода не беспокоила его. Заботливо вырубленные ступени круто поднимались вверх. Гул водопада заглушал его шаги. Подъем был долог и труден, но наконец впереди забрезжил слабый свет. В лицо потянуло свежим воздухом. Запах горного луга и пихты порадовал Арсения. Выбравшись из темной пещеры, он вздохнул полной грудью. Перед ним раскинулась бескрайняя ширь. Вскормленная, изрезанная узкими глубокими ущельями равнина с редкими купами деревьев. Неся карабин в опущенной руке, он двинулся к почти невидимой, укрытой среди зарослей хижине. Здесь несколько лет назад Арсений обрел то, что так долго искал. Покой! Это может показаться смешным, но, достигнув всего, о чем мечтал, Арсений попросту устал от привычной жизни с ее бесконечной суетой, необходимостью зарабатывать, быть не хуже других и всем тем прочим, что составляет имидж преуспевающего мужчины. Да, он работал, как каторжный, пытался пробиться, но увы. Осознав со временем, что деньги в жизни не главное, бросил все и, оказавшись здесь, впервые ощутил непередаваемое чувство, что все на этом свете зависит лишь от него самого. Не только завтрашний день, но и годы всей будущей жизни. На обустройство хижины ушло все лето. Охота кормила и одевала. Изредка он выходил к людям, в поселок. Три дня пути в один конец. На него никто не обращал особого внимания. Да и к чему? Не один он такой, ведущий отшельнический образ жизни. Почти все промысловики редко выходят к людям. Их дом – тайга. Бородатые, нечесаные, они как бы составляли особую касту немного угрюмых, неразговорчивых существ, для которых звериный рев ближе и понятнее человеческого голоса. Спускаясь с гор, они сдавали добытые меха, выправляли лицензии, закупали необходимые припасы и, передохнув да, что греха таить, попив вволю неразведенного спирта, вновь уходили в свои неласковые леса. Там, вдали от людей, они чувствовали себя свободными, как те первопроходцы, что когда-то сотни лет назад пришли в эти края. Над ними не властвовали привычные законы, им не было дела до президентов и банков, единственно важными становились лишь патроны, соль, мука и добыча.

Отодвинув прочный засов, Арсений распахнул дверь своей хижины. Сложенная из могучих лиственничных стволов, она не раз выдерживала визиты медведей, привлеченных запахом человеческого жилья. Следы звериных когтей свидетельствовали о страстном желании косяковых попасть внутрь. Подслеповатое окошко, утопленное в толстенных бревнах, больше походило на бойницу. Затебив коптилку, Арсений разгрузил рюкзак. Выложил на полку пачки с патронами, увесистый мешочек с крупной серой солью, как драгоценность вынул из пакета немного смятые буханки настоящего ржаного хлеба, небольшой сверток с конфетами и несколько плиток горького шоколада. Остальные припасы – крупы, несколько банок масла и прочую мелочь – просто вытряхнул на стол, решив заняться ими позже. Бросив в очаг охапку дров, Арсений поднес спичку к заранее заготовленным лучинкам и, посмотрев, как огонь, весело потрескивая, вгрызается в сухое дерево, подхватил ведро и отправился за водой.

Он уже давно не задумывался, что послужило последней каплей, заставившей его бросить все и уйти от людей в глушь, отказаться от благ цивилизации и поселиться в полном одиночестве на пустынном плоскогорье. Неудавшаяся любовь? Полная чушь! Никакой любви не было! Да, была страсть, но она прошла практически сразу, как только он поселился здесь. Выходит, ничего серьезного. Усталость? Возможно. Жажда приключений? Почему нет? Он еще не настолько стар, чтобы забыть Фенимора Купера. Хотя и не настолько молод, чтобы отправиться неподготовленным. Хорошее снаряжение, отличный карабин, надежное ружье для охоты на птицу и многое другое столь необходимое для жизни в тайге и горах он в свое время принес с собой.

Небольшой ручеек весело журчал в полусотне метров от дома. Вначале на его берегу стояла палатка, в которой Арсений поселился, впервые попав сюда. Жаль, для дома место было не

совсем подходящим. Пришлось ставить его поодаль. Но ничего, пройти до незамерзающего даже в лютые морозы ручья можно и зимой. Термальные воды на плато не редкость, но вытекающий из подземного озера на поверхность ручей встречается не часто. Небольшая запруда и в котловине – собственная горячая ванна. А баньку можно спроворить и в хижине.

Вскоре вода в котелке закипела. Ошипанная и выпотрошенная тушка подстреленной по пути утки, булькнув, погрузилась в посудину, осталось только подождать, когда мясо сварится, и добавить крупу. Можно будет, плотно пообедав, прилечь отдохнуть. Вечером Арсений собирался отправиться на охоту.

Инга, опершись на надежную руку Валеры, ступила на каменную плиту и невольно ахнула. Ничего подобного она никогда в жизни не видела. Простор и бездонное небо над головой. Настоящее, восхитительно голубое, какого никогда не увидишь в мегаполисе, заставляло глубже дышать, восхищаться необъятной ширью каменистого плато с далекими, едва видимыми на горизонте языками тайги, непонятным, фантастическим образом занесенными сюда из какого-то иного мира. Но и это было не самым главным. Воображение Инги в первую очередь потрясли гигантские камни такой причудливой, невероятной формы, что она невольно оглянулась. Вся группа замерла, разглядывая созданное природой чудо. Куда-то испарилась усталость, вмиг забылся трудный и опасный подъем на плато, теперь для них существовала только невиданная, необыкновенная красота.

– Пошли! – тронул Ингу за плечо Валера. – Как я понимаю, с такими чудесами мы будем сталкиваться постоянно.

Инга растерянно смотрела по сторонам. Солнце чуть сместилось, и картинка поменялась. Растаяли, исчезли каменные исполины. Голая каменная пустыня перед ними. Только где-то далеко заросли деревьев и темные провалы ущелий.

– Что это было? – спросила она.

– Мираж. Я читал, что здесь такое не редкость. Идем. Ты не устала?

– Ничего, все в порядке. Просто разволновалась немного. Нам еще далеко? – уточнила Инга, поправляя рюкзак.

– До вечера! – рассмеялся Валера. – Странно, что мы пока не встретили следов людей. Спасатели говорили, что впереди нас идут две группы. По идее, должны были наследить. Ну, там остатки костра или еще что-нибудь. Знаешь, что мне напоминают здешние места? Афганистан.

– Ты когда же успел там побывать? – удивилась Инга.

– Вскоре после окончания института. Сопровождал гуманитарный груз. Как представляю себе, что там совсем недавно шла война, жутко становится. Впрочем, она там продолжается до сих пор. Невозможно победить народ, который, кроме оружия в руках, ничего больше не знает.

– Прости, Валера, но я ничего не хочу знать о войне. Мне вполне достаточно того кошмара, в котором мы живем. Скажи, тебе не страшно жить в мире, где постоянно кого-то убивают? Киллеры, уголовные авторитеты, бандиты... Скажи, это когда-нибудь закончится?

– Не знаю. Мне кажется, что здесь ничего такого быть не может. Посмотри, какая красота кругом. Тишина. Тут только зверя дикого можно встретить. Не думаешь ли ты, что мы станем убивать друг друга?

– Нет, Валера, я говорю не об этом. С тобой, я уверена, нам ничего не грозит.

Когда группа остановилась на короткий привал у небольшого ручья в негустом перелеске, Инга, скинув рюкзак, почувствовала, до чего устала. Ноги с непривычки гудели. А ведь это всего лишь четвертый день долгого двухнедельного пути. Больше всего хотелось очутиться в родной квартире, залезть в горячую ванну, расслабить стянутые жгутом мышцы и по-настоящему отдохнуть. Валера тут же оказался рядом.

– Разувайся! – непреклонно потребовал он, опускаясь на корточки.

– Зачем? – со стоном переспросила Инга.

– Осматривать тебя буду! – раздраженно буркнул Валера. Подозрения у него появились вскоре после того, как они поднялись на плато. Девушка стала откровенно косолапить.

Когда Инга стянула ботинки и носки, он только покачал головой. Картинка и впрямь оказалась неутешительная: на пятках кровавые мозоли, на подошвах – намины. О том, чтобы идти сегодня дальше, не могло быть и речи.

– Почему молчала? – возмутился Валера. – Трудно было сказать сразу? Ты же всю группу подводишь, неужели не понятно? Ты не то что сегодня – и завтра шагу сделать не сможешь!

– Я думала, выдержу, – побелевшими губами пролепетала Инга.

– Ребята, остаемся до утра! У Инги с ногами проблема! – громко объявил Валера, со злостью пнув рюкзак.

Особой беды в происшедшем не было, но Валера расстроился из-за того, что Инге больно. Бесило то, что помочь ей он ничем не мог. Выход был один – оставить девушку в покое и дать зажить стертым ногам. Распорядившись об устройстве бивака, он отправился на поиски хвороста для костра. Перелесок, прозрачный, пронизанный полуденным солнцем, не представлял ни малейшей угрозы. Там просто негде было спрятаться. И вдруг... Кровь – бурая, запекавшаяся, густо запятнавшая серые камни. Валера невольно стиснул топориче. Станным показалось то, что рядом не было ни единого клочка шерсти, ни вырванных в схватке перьев. Вообще ни единого следа, только пятна еще не-выветрившейся крови. Внимательно оглядев подозрительное место, Валера постарался себя успокоить. В принципе крови-то не так и много. Может, погиб здесь какой-нибудь не слишком крупный зверек, а тушку хищник уволок с собой в логово. Набрав хвороста, он вернулся в лагерь.

Арсений предпочитал охотиться в сумерках. Большинство зверей выходит на промысел именно в это время, поэтому и его добыча, как правило, была богатой. То, что человеческий глаз не слишком приспособлен к слабому освещению, Арсения не особенно беспокоило – на карабин он установил ночной прицел, а отличный прибор ночного видения позволял обнаруживать любое теплокровное существо надежнее, чем днем.

Солнце уже коснулось далеких гор, когда Арсений, поправив на плече неизменный «зауэр», вышел из хижин. Легкой, отработанной походкой профессионального охотника он зашагал прочь, в его сегодняшние планы входило добыть архара, горного барана. Небольшое стадо этих крупных животных Арсений заметил еще месяц назад, но выбраться и поохотиться на диковинного зверя все не получалось. Сегодня он решил, что пришла пора. Если и застанет его темнота с добычей, ничего страшного. Заночует в горах, а мясо и шкуру переправит в хижину в несколько приемов. Хотя архары и не сумеречные животные, подобраться к ним все же проще в темноте, а вот стрелять придется по обстоятельствам. Днем стадо бродит по горам в поисках пищи, обнаружить их не так-то просто, а тупо сидеть в засаде Арсений не любил.

В прошлой жизни он никогда не охотился. Конечно, определенная подготовка у него была. Мастер спорта по десятиборью – это уже кое-что. Форму Арсений поддерживал постоянно, посещал тренировки, бегал по утрам, только когда это было... Теперь все это конечно же пригодилось, но пришлось овладеть еще очень многими знаниями и навыками, совершенно ненужными в городе. Арсений научился распутывать следы, выслеживать добычу, а главное – стал мастером в искусстве выживать. В том, другом мире под искусством выживания подразумевается совершенно иное – умение договариваться, заискивать, прогибаться или, наоборот, подавлять, уничтожать, растирать в порошок. Здесь, в горах, законы были другие: какой смысл убивать то, что ты не в силах употребить в пищу? Для заработка, высокого по местным меркам, охотились на пушных зверьков. Что до крупной дичи, она шла только на пропитание. Охота тут не спорт – это образ жизни. Изменился ли он сам, оставаясь здесь? Да, однозначно! Обла-

дающий взрывным характером, Арсений вынужден был первые годы ломать себя, подстраиваясь под неспешный, размеренный ритм отшельничества. Даже отсутствие женщин он перенес легче, чем бесконечное молчание. Говорить было просто не с кем. Сначала он подумывал, не завести ли собаку, но отказался от этой затеи. Никогда не воспитывал четвероногого друга, да и обращаться с ним не умел. Оставил все как есть. Считал ли Арсений свое добровольное затворничество испытанием воли? Пожалуй, нет. Хотя и шутил всегда: сила – есть, воля – есть, а вот силы воли – нет. Безвольным он себя никогда не считал. Скорее наоборот, здесь он впервые почувствовал, что никого не нужно подавлять. Наконец Арсений обрел согласие с самим собой. Более того, стал философски относиться к жизни. Все проходит. Было время взлета. Был завидным женихом. Девушки всех мастей сами вешались на него. Да только вскоре он понял, что все это не для него. Да, он сбежал! Бросил все и удалился в тихий, спокойный мир природы. Начал жизнь пусть и несколько экстремальную, но в то же время спокойную, размеренную. Справился и с трудностями, и с собой. В одиночку, без чьей-либо помощи возвел дом. Один валил огромные лиственницы. Надрывая жилы, возводил крепкие стены. Распиливал на доски толстые стволы, делал простую, но основательную мебель. Несколько раз перекладывал очаг, пока не добился желаемого результата.

Арсений где-то читал, что, согласно теории географического детерминизма, славяне, в особенности восточные, самой природой своей тянутся к уединенности и тишине. В их стремлении удалиться в леса, чтобы обрести душевный покой, нет ничего противоестественного. Просто так сложилось исторически. Издревле лес, тайга служили для славян не только источником пропитания, но и укрытием при набегах врагов. В глухих чащах, на потаенных полянах, под сенью дубов-великанов стояли огромные столбы с вырезанными на них грозными ликами Ярилы, Макоши, Велеса, Перуна... К ним приходили за советом, сюда несли дары, здесь приносились жертвы. С тех самых пор и влекло славян в дремучие леса, именно в них они искали поддержку, спасение, пытались отыскать смысл бытия.

Солнце опустилось за горизонт, быстрая тьма окутала горы. До намеченного места оставалось относительно немного, не более трех – пяти километров. Арсений остановился, натянул на голову шлем со встроенным прибором ночного видения. Картинка – яркая, контрастная, черно-зеленая – в первый момент вызвала небольшое раздражение, но Арсений постоял недолго и, когда глаза привыкли к неестественному изображению, двинулся дальше.

Впереди виднелся небольшой перелесок. Огибая его, Арсений вдруг заметил что-то непривычное. Слишком яркое пятно. Это мог быть только костер. Снизив чувствительность светоприемника, он увеличил изображение и теперь мог достаточно ясно рассмотреть несколько человеческих фигур, сидящих вокруг небольшого костерка. Чуть поодаль можно было разобрать две палатки, обычные, туристические, поставленные так, чтобы их укрывали кроны пихт.

Раньше людей на плато Арсений не встречал. Найдя проход под водопадом, он ощутил себя здесь полноправным хозяином. Кто посмел вторгнуться на его исконную территорию? Эти люди не похожи на охотников. Что могло привести их в этот затерянный мир? Первым желанием было напугать непрошенных гостей и изгнать отсюда, но Арсений подавил в себе неосознанный порыв. Кто знает, может быть, они и не представляют для него никакой угрозы. Интересно только, как они попали на плато? Сюда не ведет ни одна тропа, ни одна дорога. Склоны отвесны и неприступны. Единственный проход – пещера под водопадом, но через нее они не шли, в этом Арсений был уверен на сто процентов.

Инге было стыдно за то, что она задержала группу, но в то же время ее смущала открытая забота Валеры. То, что он бурчал, бинтуя ей ноги, совершенно не соответствовало тому, что он делал. Собственноручно омыв ранки ключевой водой, он разве что не расцеловал их, как это когда-то делала мама, чтобы успокоить непоседливую дочку после очередного ушиба

или царапины. Теперь, сидя возле костра, она думала о предстоящей ночи. Валера устроил ее в своей палатке и все предыдущие ночи спал рядом с ней, старательно укрывая, оберегая от холода. Таня ночевала вместе со своим другом и еще одним парнем. Ничего сверхъестественного до сей поры не происходило, но теперь, когда Валера не скрывал своего отношения к ней, Инга забеспокоилась. Она давно знала, что Валера не равнодушен к ней. Беда была в том, что она-то ничего к нему не испытывала. Валера для нее был и по-прежнему оставался всего лишь старым преданным другом. Что делать и как себя вести, она не знала, но в том, что соглашаться на близость нельзя, Инга была уверена. Дело не в том, что Валера был ей неприятен, наоборот, больше всего она боялась погубить дружбу между ними.

Ужин затянулся. Ребята вспоминали предыдущие походы, разные ситуации, в которых оказывались. Все знали, что завтрашний день им, скорее всего, предстоит провести на этом месте. Пойти дальше Валера не позволит, слишком уж он трясся над Ингой, оберегая от малейших неприятностей. Впрочем, особого недовольства в группе это не вызывало. Еще дома было очевидно, что Инга очень ему дорога.

Инга прекрасно знала, что такое любовь. Первая любовь пришла к ней еще в школе, в десятом классе. Марат был не просто красив – он был поразительно красив! В него тихо и безответно были влюблены почти все девочки школы. Так случилось, что он заметил именно ее! Боже! Какое это было восхитительное время! Только Валера, с которым Инга частенько делилась сокровенным, старался сдерживать ее пыл. Осторожно, тактично он пытался убедить подругу, что она у Марата далеко не первая, и, зная его не понаслышке, пытался намекнуть о неизбежном скором разрыве. Инга тогда не хотела даже слушать Валеру. Как может такой замечательный парень предать ее?!

Она была уверена, что Марат испытывает к ней те же чувства, что и она к нему. Когда Инга познакомила Марата с родителями, мама оказалась не в восторге от выбора дочери.

– Милая, да как ты не понимаешь, что он не нашего круга! Его отец занимает очень высокий пост! Соответственно, у него иной круг общения. Сравни, как живут его родители и как живем мы! И я, и папа простые инженеры. Мы всю жизнь едва сводили концы с концами. А твой Марат никогда ни в чем не нуждался! Ему непонятно, как это может в семье не быть денег не то что на покупку очередной машины, а даже на продукты. Ты обратила внимание, что он ничего не ел за обедом? Не потому, что не был голоден, просто для него это непривычно! Я не знаю, чем его потчуют дома, но мы не сможем создать для него подходящих условий!

– Мама! О чем ты говоришь?! Мы любим друг друга! Как ты не можешь этого понять! – вспыхнула Инга.

– Он что, сам тебе это сказал? – попыталась урезонить ее мама.

– Да! И не устает повторять эти слова ежедневно! Вот закончим школу, поступим в институты и поженимся! Он сам мне это предложил! – упорствовала Инга.

– Да ты просто не можешь принять очевидного! Ты – не пара ему, Инга! Наверняка его родители уже присмотрели своему отпрыску подходящую невесту! – настаивала мама.

И тогда Инга не выдержала. Она просто ушла из дома. Марат ее поддержал. Почти месяц они прожили на даче у подруги. Дома Инга появлялась лишь изредка, стараясь не встречаться с родителями. Благо они целыми днями работали. Однажды она столкнулась с отцом. Он оказался дома по банальнейшей причине – загрипповал и отлеживался дома. Войдя в прихожую, Инга не обратила внимания на отцовские ботинки, стоящие в двери.

– Ты что это сегодня так рано? – раздался из комнаты голос отца.

Инга растерянно молчала, не зная, что предпринять. Она уже готова была выскочить на лестничную площадку, когда в прихожей появился отец.

– Так! Явление блудной дочери, часть первая! – хрипло воскликнул он, невольно поднося руку к горлу. Говорить, видимо, ему было трудно.

– Я на минуту, только вещи забрать! – стараясь унять волнение, ответила Инга и попыталась проскользнуть мимо. Но отец преградил ей путь.

– Прости! Какие вещи? Разве ты не ушла окончательно? Нужно было забирать все сразу!

– Но мне нужно переодеться! Мы собираемся на вечеринку, а мне идти не в чем! Джинсы совсем истрепались. Я хочу забрать свои брюки! – едва не срываясь на истерику, настаивала Инга.

– Нет, дорогая! Ты живешь с этим молодым человеком, пусть он тебя и обеспечивает! – оставался непреклонным отец.

– Папа, прости, но ты не прав! Мне нужно забрать белье и другие личные вещи!

– Больше тебе ничего не нужно? Об институте ты уже не помышляешь? – спросил отец.

– При чем здесь институт? – обиделась Инга.

– Ну как же?! Ты, насколько я помню, собиралась получить образование, или теперь осталась единственная мечта в жизни – выйти замуж? Кстати, когда у вас свадьба?

Инга растерялась окончательно. Марат больше даже не намекал на то, что собирается жениться.

– Я не знаю. Может быть, позже, – потупилась девушка.

– Насколько я понимаю, никогда. Скажи честно, ты считаешь подобающим свое поведение?

– Папа, ты забываешь, что я уже взрослая! И вполне в состоянии отвечать за свои поступки!

– Милая моя девочка! Я очень опасаюсь, что пройдет совсем немного времени, и ты горько пожалеешь о том, что сделала. Как бы не было поздно! Поступай как знаешь! Только помни: он тебя предаст не задумываясь.

На дачу Инга вернулась расстроенная, но Марат не обратил на ее настроение никакого внимания. А спустя несколько дней... попросту исчез. Подруга рассказала, что он улетел в Штаты. Учиться в Гарварде.

До электрички Инге пришлось добираться в сумерках. Жить не хотелось. Она не помнила, как дошла до платформы. Кажется, рядом были какие-то люди, что-то объявляли по радио. Только шум приближающегося поезда вывел Ингу из ступора. Словно во сне, она смотрела на мчащийся по рельсам электровоз. Ноги вдруг сами понесли к краю платформы. Она уже почувствовала, как упругий ветер взъерошил ее короткие волосы. Еще миг и...

Чьи-то руки буквально выдернули ее из-под колес... Удар по щеке... Вода, смешанная со слезами, на лице... Крики... Склоненное над ней веснушчатое лицо молодого рыжеволосого парня в милицмейской форме... Все это было уже после.

– Девушка! Да очнитесь вы, наконец! – прямо в лицо Инге кричал милиционер.

Она с трудом повернула голову. Платформа исчезла. Давно не беленный, в подтеках потолок. Зарешеченное окно. Стены, выкрашенные грязно-зеленой краской. Жесткий топчан. Унылый канцелярский стол. Древняя как мир пишущая машинка с заправленным листом дрянной желтоватой бумаги. Даже с виду скрипучий стул. Рыжий парень уже без форменной фуражки, рядом с ней.

Он напоил Ингу горячим чаем, после смены проводил домой, но вместо того, чтобы подняться к себе, она еще полтора часа сидела с этим рыжим милиционером на скамейке возле подъезда и, сама не понимая почему, рассказывала о том, что с ней произошло. Возможно, этого и не нужно было делать, но с каждым произнесенным словом ей становилось легче. Расстались они уже далеко за полночь. Едва Инга поднялась на свой этаж, дверь открыла мама. Воспаленные глаза, осунувшееся лицо – все свидетельствовало о том, что уход дочери дался ей нелегко. К счастью для Инги, мама ни о чем спрашивать не стала. Наполнила ванну горячей водой и, пока Инга лежала в облаках ароматной пены, просто сидела рядом, изредка поглаживая руку дочери.

Арсений шел по ночным горам, по знакомой, хорошо изученной тропе. Скоро он обогнет скальный выступ, а там... «Вот черт! Этого кострища никогда здесь не было! Я точно помню! Неделю назад, когда выслеживал лежку стада, здесь не было ни единого следа человеческого присутствия! – подумал он, обнаружив возле небольшого грота следы костра. – Не плато, а какой-то проходной двор! Столько лет не было ни единой души, а тут вдруг толпа за толпой! Тоже мне Тверская в разгар дня!»

На всякий случай он прошел вперед еще немного, чтобы окончательно убедиться – конечно же архары ушли! Не стерпели появления двуногих возле их логова и перекочевали. Арсений расстроился. Так рассчитывал на хорошую добычу, и на тебе – ни пуха ни пера! Сплюнув с досады, он вернулся к кострищу, чтобы все осмотреть. Место бивака выбрано достаточно грамотно, люди тут были знающие, вот только наследили сильно. В костре обгоревшие банки из-под тушенки. Обрывки газеты на том месте, где стояла одна из палаток. Ого, а с ними, похоже, была женщина. Мужики этим не пользуются. Всего две палатки, тоже шесть человек, как и у тех, кого он видел два часа назад. Зачем они переместились на несколько километров и снова стали лагерем? Что-то ищут? Но на плато нет ничего заслуживающего внимания. В поселке говорят, что в тридцатых годах тут работали геологи, но с тех пор люди сюда не наведывались. Незачем. Да и видел он не раз геологические партии. Шумно, многолюдно, обязательно присутствие техники. Да и на сегодняшний день предварительную разведку проще и дешевле сделать из космоса. Туристы? Есть такое непоседливое племя, но они движутся по определенному маршруту и не останавливаются на каждом шагу. Решив, что утро вечера мудренее, Арсений устроился на ночлег в брошенном лагере. Солнце еще не поднялось над горизонтом, когда он, ополоснув лицо водой из фляги, уже спускался в небольшую котловину, чтобы проверить, на месте ли группа туристов.

Они никуда не улетучились. Палатки на месте, возле костра возится сонная личность. Над огнем солидных размеров закопченный котелок. Вот и остальные начали по одному выползать из палаток. Арсений на время опустил бинокль. Ничего интересного пока не произойдет, нужно дождаться окончания завтрака. На утренние процедуры, завтрак и сборы у туристов ушло более часа. Арсений терпеливо выжидал. Зачем он решил понаблюдать за ними? Да просто из интереса, какое-никакое, а развлечение. Немаловажным оказалось и то обстоятельство, что они были не местные. А он, в конце концов, хозяин здешних мест! Имеет полное право знать, что происходит в его доме. Когда группа двинулась в путь, Арсений обратил внимание, что одна из девушек заметно прихрамывает. Может, причина в ней, из-за нее группа остановилась? Не объясняя себе, зачем это делает, он решил продолжить наблюдение.

С тяжелыми рюкзаками туристы двигались довольно медленно. Арсений, более привычный к горам, вскоре оторвался от них и, пройдя вперед, устроился на поздний завтрак чуть ниже гребня горной гряды. С этого места, оставаясь незамеченным, он мог наблюдать, как вдали медленно, с частыми привалами ползет по каменной пустыне группа туристов. Привалившись спиной к камню, он вспоминал, как впервые оказался в Афганистане, да и вообще в горах. Вспомнил свой первый боевой выход.

В армию он попал не случайно. Бросив институт, сам пришел в военкомат. Отец поворчал немного, но согласился с решением сына. Учеба никуда не денется, а армейская школа не повредит. Только когда после выпуска из учебного центра Арсений подал рапорт с просьбой отправить его в Афганистан, родители всерьез забеспокоились. Отличника боевой подготовки, прекрасного спортсмена и подающего надежды снайпера без проблем зачислили стажером в группу специального назначения. Так Арсений и познакомился с капитаном Макушинским.

До начала операции оставалось несколько дней. Группа готовилась всерьез. Из дня в день изматывающие тренировки, марш-броски, стрельбы, спарринги и снова тренировки на скалах, многокилометровый бег по раскаленным камням.

Арсений не жаловался. Сжав зубы, он упорно раз за разом повторял то же, что делают бойцы группы, стараясь ни в чем им не уступать. Пару раз он даже удостоился сдержанной похвалы командира группы. Арсений, отлично подготовленный физически, многие навыки, вырабатываемые годами, схватывал на лету. Даже в рукопашном бою с опытными спецназовцами показывал весьма приличные результаты. Наконец была получена информация, что караван прибыл в намеченную точку. Последний инструктаж. Вертолет на взлетной полосе. Погрузка.

Вылетели поздно вечером. Крадучись, миновали опасные зоны. В одном из ущелий, которых в горах тысячи, сбросили фалы. Десантировались. Почти без слов разобрали снаряжение и груз. В очередной раз проверили оружие. Попрыгали, устранили любое позвякивание и стуки. Командир группы, капитан Андрей Макушинский, махнул рукой, затянутой в щегольскую черную перчатку, и группа, вытянувшись цепочкой, быстрым шагом ушла с места высадки.

К рассвету преодолели перевал и спустились в широкую котловину. Где-то далеко, почти сливаясь с окрестными горами, едва виднелся кишлак. Обогнув его по широкой дуге, группа, оставаясь незамеченной, пересекла котловину и снова ушла в горы. Солнце поднималось все выше. Ночная прохлада давно сменилась иссушающей жарой. Воздух буквально плавился в узких теснинах. Серо-желтая пыль из-под ботинок впереди идущего забивала горло, не давала дышать, но командир упорно уводил своих бойцов все дальше и выше. Арсений не знал точной цели похода. Достаточно, что об этом знают командир и его заместитель. Пути отхода – единственное, что было доведено до стажера. Группа уверенно двигалась куда-то на юго-восток. За спиной оставались бесконечные километры горных троп, перевалов, ущелий. Только ближе к вечеру капитан Макушинский объявил привал.

Просоленный, пропотевший камуфляж прилип к мокрой спине. Ремень автомата натер плечо. Ноги в тяжелых ботинках гудели от невероятной усталости. Одно лишь успокаивало Арсения – остальные бойцы, да и сам капитан, выглядели не лучше. Покрытые толстым слоем пыли, лица бойцов казались вырезанными из местного камня. Потрескавшиеся губы кровоточили и выглядели открытыми язвами. Живым и сильным в этих людях оставался лишь дух. Сбросив тяжелые рюкзаки, они немного отлежались и первым делом почистили и смазали оружие. Мелкая въедливая пыль оказалась повсюду. Даже надетые на стволы автоматов презервативы не защитили их от всепроникающей пыли. Только покончив с оружием, приступили к завтрако-обедо-ужину. В пути, на ходу лишь выпили по банке сгущенки. Как ни странно, но этого хватило на весь долгий переход. Теперь можно было подкрепиться более основательно. В ход пошла тушенка, хлеб и, главное, вода. У каждого на поясе висело по четыре фляжки. Итого три литра на человека. На неопределенное время. Этим вечером допили по первой фляге.

На ночлег устроились в небольшом гроте. Никаких костров. В полной темноте. Спали вповалку, прижавшись друг к другу. Каждые два часа сменялись дозорные. В три часа Макушинский объявил подъем. Полчаса на сборы, завтрак и прочее. В кромешной темноте двинулись в путь. Непривычно близкое небо с россыпями огромных ярких звезд кое-как освещало тропу. Осторожно ступая след в след, цепочкой бойцы уходили в горы. К рассвету вышли на плато. На коротком привале Макушинский сообщил:

– До цели километров пять. Там, как вы знаете, датчики движения и мины. Выдвигаемся предельно осторожно. Занимаем позицию. Каждый работает по своей цели. Не путать. Общаться только знаками. Полное радиомолчание. В критической ситуации отходим по одному. Встреча в гроте, где ночевали. Хвосты рубить. Контрольное время обычное. Отставших не ждем! – Капитан выразительно посмотрел на Арсения. – Стажер, пойдешь со мной! Не отставать и не высовываться. Игрушки закончились. Все! С Богом!

Арсений понял все. Он не задавал вопросов. На это уже попросту не оставалось времени. Когда перебрались через минное поле, пришлось долго ползти по каменистой бесплодной земле, между жалких кустиков, невзрачных серых колючек. Наконец двигавшийся впереди капитан замер. Арсений едва не уткнулся лицом в его стоптанные ботинки. Повинуясь жесту, подполз ближе и, укрывшись за камнем, осторожно поднял голову. Впереди, менее чем в полукилометре от них, в неприметной низине стоял вертолет. Белая звезда с полосками по бокам, белая надпись NAVY красноречиво говорили о его принадлежности.

– Это еще откуда? – невольно выдохнул Арсений и, перехватив взгляд Андрея, замолчал.

– Видишь трубу впереди на вертушке? Дозаправляли в воздухе. Это «чинук», морское базирование. Не ожидал я здесь таких гостей! – почти беззвучно, только шевеля губами, произнес Андрей. – Работа будет серьезнее, чем я думал. Главное – не высовывайся! Всему свое время.

Арсений поднес к глазам бинокль. В мощную оптику отчетливо было видно и людей в непривычном желто-коричневом камуфляже, и стоящих перед ними душманов в серо-бурых халатах. Камуфлированных оказалось пятеро. Высокие, подтянутые, четверо белых и один негр. Андрей тем временем отчаянно жестикулировал, разясняя бойцам изменения в плане. Леший, ближайший помощник Андрея, кивнул и, прихватив неразлучный пулемет, бесшумно отполз в сторону. Следом за ним отправились еще один снайпер и автоматчик. Андрея и Арсения тоже прикрыли с флангов автоматчики. Медленно, скрываясь в складках местности, группа выдвинулась на дистанцию эффективного огня.

Люди с вертолета, вместе с духами, уже давно скрылись в неприметном строении. Воздух плавился от жары, но Андрей все не подавал команды к началу операции. Сначала Арсений поглядывал на часы. Но после полудня ему хотелось только одного – укрыться от палящего солнца, забиться в тень, напиться холодной родниковой воды и уснуть. Струйки пота стекали по лицу, покрытому толстым слоем пыли. Раскаленный камуфляж жарил спину, словно на нее поставили горячую сковородку. Острые камни, совершенно незаметные поначалу, больно врезались в тело. Но приходилось лежать неподвижно. Арсений только удивлялся выдержке и терпению бойцов группы. Они словно превратились в неприметные серые валуны. Силились с каменистой почвой, растворились среди обломков скал.

Арсений слабо пошевелился, стараясь незаметно вытолкнуть из-под колена острый камень. Андрей, лежащий левее, зло на него зыркнул. Пришлось оставить попытки устроиться удобнее. И тут как раз началось движение. Из хижины вышло двое душманов. Один из них, подойдя к вертолету, что-то гортанно прокричал. В кабине ожили пилоты. Взыл пусковой двигатель, приглушенно зарокотали турбины. Лопасты лениво начали разбег. Андрей на секунду поднял руку. Из распахнутых дверей низкой глиняной мазанки появились пятеро в камуфляже. Следом за ними вышли и местные. Андрей неуловимым движением откинул крышки оптического прицела. Его забинтованная грязно-серыми, сливающимися с землей полосками ткани винтовка медленно поползла по горизонту, лоя цель. Выстрел прозвучал неожиданно резко. Хотя Арсений и готов был к нему, но звук больно ударил по ушам. Где-то слева глухо хлопнул гранатомет. Прочерчивая дымный след, реактивная граната устремилась в распахнутую дверь хижины. Еще не упал на песок сраженный Андреем американец, как приблизительно с того места, откуда вылетела граната, дробно застрочил пулемет. Янкесы, не обращая внимания на упавшего, бегом бросились к вертолету. Кто-то из духов вскинул оружие. Андрей не спеша поймал его в прицел... Выронив винтовку, душман уткнулся лицом в заросли колючек. Пулемет Лешего короткими, злыми очередями валил на землю одного за другим выбегавших из разных щелей душманов. Янкесы были уже в вертушке. Двое духов бегом тащили к ней убитого. Видно было, как подрагивает винтокрылая машина, желая покинуть негостеприимную землю. Вот труп втащили в распахнутый люк. Вертолет, задрожав металлическим телом, начал карабкаться в синее бескрайнее небо. Андрей, приподнявшись на колено, навел винтовку на

блистер пилота. В грохоте боя Арсений не расслышал выстрела. Он не видел, скорее почувствовал, как пуля, пронзив толстое бронированное стекло, ударила в голову пилота. Пропустив тяжелую пулю, лопнул, раскололся летный шлем. Кровь плеснула в стороны. Уронив голову, пилот съехал в кресле. Рука безвольно потянула рукоятку управления. Машина накренилась, скользнула по короткой дуге. Шар нестерпимо яркого пламени окутал вертушку. Гроыхнуло так, что заложило уши. Арсений невольно вжался в землю, стараясь стать незаметнее. Ударная волна пронеслась над ним, взметнув облачко пыли.

Когда он поднял голову, огонь в хижине уже вовсю разгорелся. Андрей с колена выпускал пулю за пулей. Пулемет Лешего уже жарил длинными очередями, вжимая в каменистую почву несметную толпу душманов. Слева и справа огрызались автоматы спецназовцев. Но врагов было слишком много. Даже ужасающий взрыв не остановил их. Горя жаждой мести, они настырно ползли под огнем к группе. Арсений вскинул автомат и, поймав на мушку одного из противников, мягко потянул спуск. Оружие вздрогнуло дважды, и дух успокоился навсегда. Внезапно в наушнике прогремело: «Отходим!» Арсений не сразу понял, что произошло. Лишь бросив взгляд на Андрея, сообразил. Конец радиомолчанию! Сейчас группа, прикрывая друг друга, будет уходить от преследователей.

От погони группа оторвалась только к вечеру. О том, чтобы возвращаться прежним путем к гроту, не могло быть и речи. Андрей вел бойцов злой и напряженный. Та ситуация, в которой они оказались, совершенно не соответствовала данным разведки. Да, караван оказался на месте, но почему столько духов было в укрытиях, оставалось неясным. Плюс ко всему еще и янкесовская вертушка! Это уже было совершенно не к месту. То, что он самолично уложил советников, Андрей не сожалел. *A la guerre comme a la guerre!*¹ Но в целом караван слишком походил на засаду. Группу выручила внезапность и то, что вышли на точку раньше времени. Потому и выжидали почти семь часов. Удивительно, что духи тоже себя ничем не обнаружили!

После той операции Арсения зачислили в группу. А спустя полгода он, раненный в плечо, уже летел транспортным Илом в госпиталь. После долгого лечения его комиссовали, служба в армии на том и закончилась. Впереди был университет и совсем не мирная жизнь.

Идти Инге было еще немного больно, но Валера сделал все возможное, чтобы ей помочь. Ночь прошла спокойно. Он только прижимал девушку к себе, чтобы она, не дай бог, не простыла. Ночи на плато стояли холодные. Утром, максимально разгрузив рюкзак Инги, Валера предложил тронуться в путь. Оно и правильно, сидеть на месте можно до бесконечности, а так в дороге, глядишь, и время пройдет незаметнее, и, если идти осторожно, раны на ногах понемногу затянутся. Инга согласилась сразу же. Только немного посопротивлялась, когда ее рюкзак принялись опустошать и перекладывать груз другим. Теперь у нее за спиной остались только личные вещи, продукты и снаряжение распределили между остальными. Основную часть тащил конечно же Валера.

Они шли цепочкой, один за другим, следом за Валерой. Неумоимо отмеряя нехоженые никем километры. Сорок пять минут хода, пятнадцать минут отдых. И снова рюкзаки на плечи, в дорогу. Первые переходы дались Инге относительно легко, но вскоре и максимально облегченный рюкзак стал ощутимо давить на плечи. Солнце поднималось все выше, жара сменяла ночной холод. От нагретых камней шел жар, как из печи. Наконец Валера объявил большой привал, хотя место было не самое уютное – кругом одни камни, ни единого деревца. Группа с видимым облегчением опустилась на каменистую почву. Воды поблизости не оказалось, приняли решение перекусить всухомятку, а навестать вечером, когда найдут подходящее место для лагеря. Полупустые фляги не вселяли особой надежды на благополучное времяпрепровождение. Какой-нибудь ручеек, стекающий с далекого ледника, был просто необходим.

¹ На войне как на войне (*фр.*).

С самого утра Ингу не оставляло ощущение, что за ними кто-то наблюдает. Она постоянно оглядывалась, но никак не могла понять, что же ее беспокоит. Возможно, стоило поговорить с Валерой, но Инга решила подождать до вечера, мало ли что может произойти. Вдруг он скажет, что это не более чем галлюцинация. Сегодня миражи им пока не встречались, лишь редко в вышине можно было заметить парящего беркута. Горы и пустыня казались абсолютно безжизненными. Расположившись в тени одиноко стоящей невысокой скалы, друзья распаковали рюкзаки, приготовили нехитрые бутерброды и принялись обедать.

Валера, подсев к Инге, положил ей руку на колено и напряженно спросил:

– Как ты?

– Нормально. Надеюсь, что дойду. Только жарко очень, пить хочется, – улыбнулась она в ответ.

– Старайся пить поменьше. Не только потому, что воды мало. Просто чем больше пьешь, тем больше хочется. Я в тебя верю, ты сильная, справишься!

С одной стороны картинка была и впрямь идиллическая: каменный зуб, освещенный ярким солнцем, в его тени расслабленные отдыхающие люди, улыбающиеся, веселые, если бы не одно но! Метрах в трехстах на склоне мелькнула тень. Человеческий силуэт появился на мгновение и растворился среди каменного хаоса. Его никто не заметил, как не заметили и блеснувшие стекла бинокля. Кто в тот момент мог предположить, что спустя всего лишь сутки их судьба коренным образом изменится, что больше никогда в жизни они не смогут без содрогания вспоминать это плато и этот поход.

Но сейчас, водружая на спины тяжелые рюкзаки, они ничего еще не знали, они были молоды и счастливы, гордились своей силой и сноровкой, им казалось, что для них нет ничего невозможного.

Раскаленное солнце, казалось, застыло в зените, над долиной, по которой двигалась группа, повисло зыбкое марево. Неожиданно над тропой появилось чудесное поле, усыпанное восхитительными алыми цветами. Они слегка колыхались от небольшого ветерка. Но самым чудесным было даже не собственно цветочное поле – по нему, не касаясь земли, плыла женская фигура в белоснежных одеждах. Невозможно было разобрать лица, только неясный расплывчатый силуэт, но все в замершей на месте группе были совершенно уверены в том, что это девушка-мираж счастлива. Видение продолжалось всего несколько минут, однако, даже когда оно исчезло, Инга все еще представляла себя на том самом усыпанном цветами лугу.

Ближе к вечеру Валера вывел своих товарищей к небольшому озерцу. Сориентировавшись по сверкающей в лучах заходящего солнца вершине вдали, он сказал, что завтра им предстоит круто забрать влево, чтобы не выскочить в пограничную зону. Разбираться с пограничниками, даже при наличии соответствующих документов, ему не хотелось. Здесь, на стыке сразу четырех государств, могло произойти всякое, а заявленный маршрут, по расчетам, должен был пролегать севернее.

Удивительно голубая вода манила к себе, но едва Инга, сбросив ботинки, шагнула в нее, как сердце едва не остановилось от холода. Обманчиво ласковая вода в озерце оказалась просто ледяной. Вскрикнув от удивления, девушка тут же выбралась на хранящий дневное тепло камень.

Глядя на медленно опускающееся солнце, Инга вспоминала свою жизнь.

С рыжим милиционером, спасшим ей жизнь, Инга больше не встречалась. Засев за учебники, она упорно готовилась к экзаменам. Конечно, очень много времени было упущено, но шанс оставался, и девушка решила доказать в первую очередь самой себе, что не просто поступит в институт, но и добьется успеха в жизни. Она занималась почти круглые сутки, оставляя на сон не более четырех часов. Мама пыталась ее образумить:

– Девочка моя, ты себя совершенно не щадишь! Разве можно так усердствовать? Ну не поступишь в этом году – сдашь экзамены в следующем. Да и институт ты выбрала не самый,

на мой взгляд, удачный. Там ведь в основном мальчишек берут! Ты можешь оказаться единственной девушкой в группе.

– Я справлюсь! – упрямо заявила Инга, не поднимая головы от учебника.

Несмотря на то что после сдачи экзаменов за одиннадцатый класс прошло немало времени, она добилась отличных результатов при поступлении. Да и в группе оказалась не единственной. Кроме нее, там были еще две девушки. Костяк группы составляли ребята, отслужившие в армии, причем многие побывали в горячих точках. На знакомство и притирку времени почти не оказалось – в середине сентября их отправили на сельхозработы. Именно там Инга и столкнулась с новым, доселе неизвестным ей миром. В первые же дни обнаружилось, что сверстники не удосуживаются даже помочь девушкам, а вот ребята постарше вели себя совершенно иначе – и ведро помогут донести, и руку подадут, помогая взобраться в грузовик. Да и прыгнуть с борта прямо в сильные мужские руки тоже оказалось совсем неплохо. Много и хорошего и плохого узнала Инга за годы учебы. С Валерой она почти не виделась, особенно первые два курса. Слишком занята была учебой, как, впрочем, и он. А вот позже, когда Валера как-то летом предложил ей прогуляться, Инга обратила внимание, что он здорово проигрывает ее сокурсникам, именно тем, что были старше. Хотя, с другой стороны, это ведь не так важно, если парень просто друг детства. Она уже забыла, как Валера успокаивал ее после разрыва с Маратом, как помогал подготовиться к вступительным экзаменам, как встречал после них. Инга искренне считала, что друг именно так и должен поступать. Да и кроме того, ей уже очень нравился Вадим, самый интересный парень из ее группы. Изредка они гуляли с ним вечерами. Однажды, когда он поцеловал ее у подъезда, Инга почувствовала, что он именно тот человек, который ей нужен. Была ли это любовь? Сейчас уже трудно сказать. Но снился Вадим ей часто. К сожалению, закончилось все стыдно и гадко. На последнем курсе Вадим женился, причем не на ком-нибудь, а на подруге Инги, вызывающе красивой блондинке Леночке. Когда Инга узнала о намечающейся свадьбе, весь вечер проревела в подушку. Мама пыталась ее успокоить, но девушка от слов участия плакала пуще прежнего. Она уже знала из разговоров одноклассников, как именно все произошло. Леночка, оказывается, забеременела от Вадима! «Странно, – думала Инга, – ведь ее Вадим не трогал. Да, они целовались, но ни единой попытки близости с его стороны предпринято не было!» Улучив момент, она потребовала от парня объяснений.

– Понимаешь, Инга, я боялся! Ты такая правильная! Ну а Ленка сама под меня легла. Пойми, я ведь не железный, мне этого очень хотелось! Дальше – больше. Когда она залетела, отступать уже было поздно. Надеюсь только, что стерпится – слюбится!

После исповеди Вадима Инга дала себе зарок, что больше никогда не станет игрушкой в чьих-то руках. В тот раз снова на помощь пришел Валера. Молча выслушал, после, взяв за руку, долго говорил о каких-то мотивациях поведения, особенностях мужской и женской психики, о недопустимости принуждения. Странно, но Инга, почти не слушая друга, поняла главное: только женщина сильная и решительная сможет выжить в этом диком мужском мире. Она решила стать именно такой – свободной и независимой.

Окончив институт, Инга довольно быстро нашла работу. Не особенно престижную, не слишком хорошо оплачиваемую, но довольно перспективную.

Арсений отыскал небольшой грот, сбросил рюкзак, аккуратно прислонил к камню карабин и прильнул к окулярам бинокля. Что-то было не так. Его насторожило то, что человек, следивший за группой, не отставал от нее ни на шаг. Вот и сейчас он, укрывшись за скалой, наблюдал за лагерем. Что это было? Простое любопытство? Или что-то другое? Арсений решил остаться поблизости, чтобы выяснить. Он старательно держался чуть позади преследователя, не оставляя его вне поля видимости. Одетый как обычный охотник, вооруженный стареньким СКСом, неизвестный вполне мог сойти за промысловика, если бы не одно обстоятельство. Он следил за группой очень старательно. Арсений заметил его не сразу. Он возник словно чер-

тик из коробочки на очередном привале. Просто случайно скользнул в объективе бинокля и исчез. Потребовалось некоторое время, чтобы отыскать его среди камней. Незвестный время от времени подносил к глазам бинокль, но, что самое странное, несколько раз явно связывался с кем-то по радио. Это могло говорить только об одном: где-то поблизости, не дальше десяти – пятнадцати километров, находился кто-то еще, с кем и разговаривал наблюдатель. Вот и сейчас он вновь вышел на связь. Арсений только вздохнул, сканера у него не было. Из-за странного поведения неизвестного Арсений решил проследить за дальнейшим развитием событий. В мощную оптику он ясно видел и лагерь туристов; в том, что это празднующая по горам публика, уже не было ни малейших сомнений. Слишком бездумно, с точки зрения охотника, было их передвижение, слишком неосторожно расположились они лагерем. Та девушка, что прихрамывала с самого утра, попыталась войти в озерцо, даже не предполагая, что это всего лишь оттаявшая линза на леднике. Арсений даже тихонько рассмеялся: конечно же с воплем выскочила из воды! Водичка не более трех-четырех градусов! Видно было, как к ней зашепшил старший, он, по-видимому, единственный, кто хоть что-то соображал.

Решив переночевать в гроте, Арсений по возможности обеспечил себе максимально комфортные условия. Развернул невесомый, на удивление компактный австрийский спальник, решив не выдавать себя дымом костра, разжег несколько таблеток сухого горючего. Сварил в жестяной кружке крепкий кофе. Вскрыл упаковку добытого по случаю весьма калорийного бун-десверовского сухого пайка, плеснул внутрь немного кипятка. Подождал, пока разогреется пища, с удовольствием поужинал и, забравшись в спальник, вновь поднял бинокль.

Туристы тоже готовились ко сну. Расставили палатки, развели костер, приготовили что-то и, рассевшись на камнях, принялись ужинать. Переведя бинокль на то место, где притаился наблюдатель, Арсений с удивлением его не обнаружил. Очевидно, пока он сам возился с ужином, тот покинул свой пост и ушел. «Что ж, значит, надоело!» – с облегчением подумал Арсений и снова стал рассматривать лагерь туристов. Руководитель группы постоянно опекал девушку. Та вела себя немного напряженно, часто оглядывалась, всматривалась в окружающие скалы, несколько раз она, казалось, посмотрела прямо в глаза Арсению, – тот даже невольно опустил бинокль. Его не оставляло ощущение, что она его видит. Хотя на таком расстоянии, тем более в сумерках, разглядеть что-либо невооруженным глазом невозможно, однако на всякий случай он продолжил наблюдение, укрывшись за камнем.

Наступила темнота. Туристы еще некоторое время посидели у догорающего костра, а затем разошлись по палаткам. Только неясные фигуры девушки и руководителя еще долго виднелись на фоне краснеющих углей. Когда и они забрались в палатку, Арсений, прижав к себе карабин, тоже уснул чутким, тревожным сном.

...Мама разбудила его на рассвете.

– Сынок, пойді попрощайся с папой!

Спросонья Арсений ничего не понял. Мальчик тер кулачками глаза и недоумевал, что могло случиться такого срочного, что ему не дают спать и почему нужно прощаться с папой?

– Сенечка, папа уезжает! Идем, сынок! Нужно, чтобы вы попрощались!

Шлепая босыми ножками, мальчик вышел из комнаты и в прихожей увидел отца. В военной форме, с чемоданом в руке. Лицо суровое, напряженное. От него веяло таким отчуждением, что Арсений заплакал. Отец подхватил его на руки, крепко прижал к груди, расцеловал в глаза и негромко сказал:

– Запомни, мальчики не плачут!

Затем тяжело вздохнул, обнял маму, подхватил чемодан и, резко повернувшись, вышел...

Почти год мама плакала каждый день. Отец все не возвращался, лишь следующей весной, когда Арсений с мамой шли из детского сада, на бульваре к ним подошел крепкий загорелый мужчина. Арсений не сразу узнал в нем отца, слишком непривычно тот выглядел. Странная

худоба сделала его лицо старше, сильно загорелая кожа стала почти коричневой. Волосы выгорели и теперь походили на спелую пшеницу, совсем такую, какую Арсений видел в книжке, что ему читала по вечерам мама. Так отец вернулся из первой командировки. Затем их было много, в разные страны, на разные континенты. Когда Арсению исполнилось одиннадцать, мама начала ездить с отцом. После окончания академии отец перешел на другую службу, и воспитанием Арсения в отсутствие родителей стали заниматься дед с бабушкой.

Арсений вырос, окончил школу, легко поступил в институт, но вскоре бросил его. Не понравилась выбранная специальность. Дед ворчал, что, мол, лучше бы пошел по стопам отца, но Арсений уже вполне определился с выбором. Занятия спортом закалили не только тело, но и душу. Когда в военкомате узнали, что он кандидат в мастера спорта по десятиборью, выбора ему не оставили. Но даже в Афганистане Арсений ни о чем не жалел. Служба ему нравилась.

...Неясный шум долетел откуда-то издалека. Арсений встрепенулся. Небо на востоке уже начало сереть. Предрассветная мгла сгустилась. Отодвинув бесполезный бинокль, он нахлобучил шлем с прибором ночного видения и ахнул!

Инга поеживалась от вечерней прохлады. Тепло костра согревало лицо и руки, а спину откровенно морозило. Дневная жара уже давно сменилась ночным холодом. Почти все спутники уже улеглись, у догоревшего костра осталась лишь она и Валера. Он неторопливо подбрасывал сучья в огонь, раскаленные угли сначала темнели, а затем, будто опомнившись, начинали сверкать, накаляться. В них появлялись тонкие язычки белого пламени, которые принимались лизать сухое дерево, заставляя его корчиться и потрескивать. Так продолжалось до тех пор, пока сучья не вспыхивали, быстро сгорая в жаре костра, становясь неотличимыми от тех раскаленных углей, что лежали там прежде.

– Тебе здесь нравится? – спросил Валера, пошевеливая кучку углей.

– Ты имеешь в виду в горах? – уточнила Инга.

– И в горах и вообще... с нами.

– Да, разумеется. Жаль, что я подвела вас. Сегодня прошли меньше, чем намечали, вчера то же. Все из-за меня.

– Ничего, это не страшно. У нас есть запас времени. Контрольных точек на маршруте нет. С контрольно-спасательной станцией мы должны связаться только через десять дней. Так что мы полностью предоставлены сами себе. Не волнуйся.

– Ты ведь не об этом хотел со мной поговорить, – задумчиво произнесла Инга.

– В общем, да. Что у тебя случилось, перед тем как ты согласилась пойти с нами?

– Разве тебе это интересно? – переспросила Инга.

– Меня волнует все, что связано с тобой! – с нажимом пояснил Валера.

– Ты не хочешь понять очевидного. Я не пара тебе! Хотя и родители привыкли думать, что я рано или поздно выйду за тебя замуж. Думаю, это невозможно. По очень простой причине. Я отношусь к тебе как к брату, вот только никаких иных чувств ты у меня не вызываешь. Оглянись! Посмотри, сколько хороших девушек тебя окружают! Почему ты не хочешь понять такой простой вещи, что я никогда не стану твоей? Ты отличный парень, замечательный друг, но мне нужен совершенно другой мужчина! – возбужденно заявила Инга.

– Какой? Скажи, какой мужчина тебе нужен? Я постараюсь им стать!

– Ты особенный, но сердцу не прикажешь! Пойдем лучше спать. Я устала, а завтра снова идти. Только давай договоримся, больше не будем возвращаться к этому разговору. Ничего хорошего из этого не выйдет! – остановила его Инга.

В палатке она натянула еще один свитер и, забравшись в спальный мешок, устроилась поудобнее. Вскоре пришел и Валера. Он тяжело вздохнул, расправил спальник и, рухнув на него, некоторое время лежал на спине, затем осторожно, стараясь не потревожить девушку,

тихонько обнял ее и прижал к себе. Инга чувствовала его горячее дыхание на своей шее, но делала вид, что спит. Хотя о каком сне можно было теперь говорить? Может быть, если бы он еще года два назад осмелился и сказал бы о своих чувствах, то все было бы совершенно иначе. Но тогда, в тот вечер, возвращаясь домой с вечеринки, он только долго-долго смотрел ей в глаза, так и не сделав ни единой попытки хотя бы просто поцеловать. Инга прекрасно помнила, что произошло в ту ночь.

Валера проводил ее до подъезда, долго говорил что-то, рассказывал о новой работе, но она почти его не слушала. Весенняя ночь будоражила, дурманила. Хотелось чего-то необыкновенного, безумного. Кровь бурлила, кружила голову. После последнего танца с Валерой она еще не пришла в себя. Инга чувствовала, как он хочет ее. В этом не было ни малейших сомнений. Самым чудовищным стало то, что желание захватило и ее. Теперь, стоя у подъезда, она думала только о том, что родителей нет дома и нужно всего лишь как-то намекнуть об этом Валере. Слова крутились на языке совсем не те, а он упорно не желал вникать в их смысл. Наконец Инга просто предложила ему зайти.

– Нет, Инга, неудобно. Как-нибудь в другой раз. Поздно уже, давай прощаться! – поспешно проговорил Валера и зачем-то пожал девушке руку.

Он ушел, размахивая руками, быстро, словно чего-то испугавшись. Инга так и осталась стоять у подъезда, готовая разреветься от обиды. Мысль о том, что сейчас нужно будет подняться в пустую квартиру, была ей невыносима. Она пошла, не разбирая дороги, прочь от дома. В соседнем дворе какая-то запоздалая компания устроилась на детской площадке. Ее окликнули. Не соображая, что она делает, Инга подошла к сидящим на карусели парням. Две девицы, что были с ними, возмущенно зашумели.

– Ребята, закурить не найдется? – зачем-то спросила Инга, хотя последний раз баловалась сигаретами еще в школе.

– Для тебя найдется! – отозвался высокий парень и под гоготанье подружек достал из кармана помятую пачку.

Инга неумело прикурила и, затянувшись глубже, чем рассчитывала, невольно закашлялась. Это вызвало еще больший взрыв смеха. Одна из девиц, на вид самая подвыпившая, отпустила грубое замечание по поводу того, какую именно сигарету нужно было предложить Инге, но девушка пропустила его мимо ушей.

– Выпить не хочешь? – спросил высокий.

– Наливай, если не жалко! – в тон ему ответила Инга.

Дешевый портвейн из пластикового стаканчика не вызвал у нее отвращения. Девицы недовольно заворчали, но прекословить не стали. Закуски никакой уже не оставалось, но вина было еще в достатке.

С Валерой она не встречалась более полугода. До тех пор, пока случайно не столкнулась с ним в метро. Она возвращалась с работы, усталая, расстроенная. Две встречи с однокурсниками в один день и обе неприятные. После обеда к ней на фирму заехал Вадим. Посидели, попили чаю, Вадим уже совсем было собрался уходить, как неожиданно предложил Инге как-нибудь встретиться:

– В ресторан сходим, посидим. Ты ведь, насколько мне известно, одна? В смысле замуж еще не вышла?

– При чем здесь это? – искренне удивилась Инга.

– Да так просто! Я ведь не забыл тебя. Могли бы все начать сначала.

– Я-то свободна, но ты, если не ошибаюсь, женат! – напомнила Инга.

– К чему обращать внимание на такие мелочи! Я никогда не любил Ленку! Ты совсем другое дело! – настаивал Вадим.

– Прости, но я занята! – резко закончила разговор Инга.

А в конце дня к ней заглянула Лена. Прямо с порога стала жаловаться на мужа. Мол, гуляет, ее саму только как прислугу использует, а как выпьет, вообще грозит убить.

– Так разводишься! Зачем терпеть такое? – посоветовала Инга.

– Ты что?! – вспыхнула Лена. – Он теперь такими делами заправляет! С друзьями такое развернул! Денег куры не клюют! А ты говоришь, разводишься! Куда я денусь? Идти работать на нищенскую зарплату? Нет уж, уволь! Как-нибудь образуется. Слушай, а он к тебе, часом, не заглядывает?

– Ты будешь смеяться! Но сегодня впервые после института заехал. Вроде как по делам, но у меня просидел почти час, – осторожно сообщила Инга.

– Инга, выручи! Он к тебе не равнодушен с института! Если появится снова, намекни ему как-нибудь насчет брачного договора. Я сама с ним, конечно, поговорю, но ты уж, пожалуйста, узнай его мнение на этот счет!

– Послушай, Лена, я, честно говоря, не хочу вмешиваться в ваши семейные дела! – попыталась отговориться Инга.

– Инга, миленькая! Я тебя очень прошу! Он к тебе относится с большим уважением! Помоги! – умоляла Лена.

– Я не могу тебе ничего обещать. Вадим был у меня сегодня, но, когда появится в следующий раз, никто не знает!

– А ты сама ему позвони. Устрой так, чтобы он тебя куда-нибудь пригласил! Там и разведай!

– Нет! Только не это! У меня есть мужчина, и я не хочу, чтобы о том, что я встречаюсь с твоим мужем, ему стало известно! – резко оборвала бывшую подругу Инга.

Проводив Лену, Инга в очередной раз убедилась, что мужчинам верить нельзя. То, что Вадим изменяет жене с кем придется, не стало для нее открытием. Неудавшийся роман с, казалось, весьма надежным и во всех отношениях положительным молодым человеком уже в который раз убедил девушку в ненужности серьезных отношений. Разочарованная в мужчинах вообще, она просто-напросто отказалась от долгих связей. Все можно решить проще и безболезненней.

После всей этой нервотрепки она и повстречала Валеру. Он был бесконечно рад ее видеть, и даже не пытался скрыть этого. По дороге домой успел рассказать о своей работе, о том, что занялся туризмом, предложил, как и раньше, встречаться, проводить вечера вместе. Инга согласилась, но для себя уже решила, что не допустит разрушения дружбы. Как бы тяжело временами ни было, Валера должен остаться только другом. Ничего иного допускать нельзя.

Лошадиное ржание раздалось так близко, что Инга вздрогнула. Стенка палатки казалась серой в предзакатном сумраке. Луч света от мощного фонаря скользнул по ней. Кто-то закричал. Валера вскочил, стал торопливо натягивать ботинки, и в этот момент с хрустом разорвалось полотнище. Ослепительный свет ударил по глазам. Инга невольно закрыла лицо руками. Сильный рывок за ноги выдернул ее из палатки. Следом выскочил Валера. Он попытался что-то сделать, но жестокий удар в лицо сбил его с ног. Сашка, спавший в их палатке, запутался в спальнике и никак не мог из него выбраться. Его вытащили вместе со спальным мешком и, чтобы не сопротивлялся, ударили прикладом автомата по затылку. Саша затих, уткнувшись лицом в щебень. Инга успела закричать, но жесткая ладонь зажала ей рот. Широко распахнутыми от ужаса глазами девушка видела, как из соседней палатки за волосы вытащили Таню и, грубо заломив руки, стали связывать толстой, шершавой на вид веревкой. Ребята уже лежали возле костра, неподвижно, очевидно оглушенные ударами.

Через несколько минут все было кончено. Палатки догорали в костре. Рюкзаки приторочены к седлам, самих туристов, связанных, избитых и подавленных, с кляпами во ртах, усадили полукругом, а в центре стоял невысокий, но крепкий мужчина с плоским монгольским лицом.

Не выпуская из рук автомата, он свирепо поглядывал на пленников. Стоило очухавшемуся Валере пошевелиться, как нога охранника взметнулась, и от удара в кадык парень закашлялся, пытаясь восстановить дыхание. Нападавших оказалось немного – всего пятеро. Все вооруженные, в потрепанном камуфляже, высоких ботинках. Двое явно европейского вида, один похож на местного, остальные, скорее всего, монголы. Между собой нападавшие почти не разговаривали, только обменивались короткими репликами. Старшим, по-видимому, был крепкий светловолосый мужчина, на правой кисти которого красовалась синяя татуировка – восходящее солнце с наполовину затушеванными лучами. Толстые пальцы с крепкими ногтями тоже были увенчаны синими «перстнями». Главарь подошел к пленникам и наклонился над Татьяной. Опираясь на заломленные за спину руки, она попыталась поднять голову, но мужчина толкнул ее ногой в грудь, и девушка рухнула на камни. Татуированная рука по-хозяйски ощупала грудь девушки, забралась под свитер... Видно было, как гримаса боли исказила лицо Тани.

– Тащишься, сука? – хрипло спросил главарь. – Скоро получишь сполна! – Обернувшись к сообщникам, он рявкнул: – Сучек не трогать! Мои! После отдам! Начинайте грузить!

Пленников по одному подводили к невысоким мохнатым местным лошадам и забрасывали в седло. Чтобы не сбежали, связывали ноги под лошадиным брюхом. Лошадей, как выяснилось, оказалось много – не меньше двух десятков. Поклажи и пленников хватило на всех. Вскочив в седло, главарь гикнул, и кавалькада неспешно потянулась вслед за ним по каменистой пустыне. Солнце только поднималось над горами.

Инга ехала в середине колонны и не видела того, что происходило позади. А как раз там происходило самое интересное. Вожак, переговариваясь с одним из монголов, негромко обронил:

– За блондой присматривай. Я ее Тимур-хану подарить хочу. Он таких любит. Пацанам ничего не говори, но не подпускай. Вторую отдам. Поваляю и отдам. Понял?

Монгол, не отвечая, кивнул.

– Ты добычу посмотрел? Мужики крепкие. Поработают. Только обломать придется. Присмотри, кого пропустить через пресс. И не жалеть! Чем скорее сломаешь, тем быстрее пахать начнут. Только не сажай на кукнар. Скиснут быстро. Что молчишь?

Монгол кивнул и неожиданно чисто по-русски проговорил:

– Знаю. Только и ты, Маркел, не забывай, что Тимур-хан терпит нас на своей земле до тех пор, пока надеется получить деньги. А ты ему бабу решил подсунуть!

– Обойдется пока бабой. Ее только подготовить нужно, чтобы не слишком рыпалась, Тимур-хан покладистых любит. Чтоб его ублажали.

– Это сделаем. Тут и думать не нужно. Давить на психику не так сложно, как ты думаешь.

– Ты за базар отвечаешь! С тебя и спрос! – зло рыкнул Маркел. – Я на зоне полжизни отмотал! У меня свои университеты!

– Не грози! Все сделаю. И женщина будет Тимур-хану, и мужиков к работе приставлю. В прошлый раз у тебя бойцов не было. Вынужден был я посадить пахарей на дурь. Иначе не справились бы.

– Вот я и говорю, этих не сажай! – прорычал Маркел и, прищипорив лошадь, поехал быстрее.

Он злился на Таркана. Слишком многое стал позволять себе этот желтомордый, но избавиться от него пока нельзя. Да, к несчастью, от него зависело почти все в деле, которое начал Маркел после побега. Примитивно разбойничать уже просто надоело. Какой смысл грабить, чтобы тебя вскоре нашли. Во время последней отсидки он столкнулся с человеком, который и посоветовал ему сесть на дурь.

– Башли немереные! Раскинь мозгами! Сами торгаши, которые не сидят на игле, поднимаются с первой же скидки! Одно плохо – тесно стало. И с товаром бывают проблемы. Гра-

ницы, таможни, то да се! Чучмеки скидывают сырец почти даром, а если и готовый порошок, то задешево! Я сам подрядил несколько шалав на перевозку. Если бы меня не взяли, то сейчас я уже королем себя чувствовал! – убеждал Маркела рано поседевший щуплый человечек. На зоне к нему относились с определенным уважением. Не простой барышник! Дело крутое вел. А что сдали его поделщики, в том его вины не было.

Глядя, как ломают мужиков в зоне, причем не только законники, но и охрана, Маркел уяснил одно: лучше быть вертухаем, чем козлом. Тогда-то он и задумал устроить свое собственное царство. Чтобы все в нем было по его, Маркела, законам. Чтоб мужики пахали, бабы давали по первому же требованию и, главное, чтобы башлиплыли в руки сами собой. Сделать такое одному, конечно, не просто, но как-то попалась ему книжка, потрепанная, без обложки, в ней рассказывалось, как безродный бродяга стал для начала вожаком ватаги разбойников, а чуть позже – коронованным королем. Маркел чувствовал в себе силы, чтобы самому осуществить мечту. В тяжких снах ему виделось, как он разъезжает на белом коне, а народишко, затюканный и безропотный, кланяется ему в ноги. Как приводят к нему в спальню самых красивых баб, и те любую прихоть, самую дикую, тут же превращают в реальность. Желание стать если не царем, то хотя бы владыкой и вершителем человеческих судеб, пусть и на ограниченном пространстве, овладело им. Мечта, так долго лелеемая, подтолкнула его на побег.

Скрупулезно разработанный план удался лишь отчасти. До нужного места он добрался, но столкнулся с непредвиденными трудностями. Оказалось, что земля давно поделена! О том, чтобы противостоять местным кланам, не могло идти и речи. Жизнь человеческая тут не стоила и гроша. И это жизнь туземца, что уж говорить о Маркеле! Удача привалила к нему в лице Таркана совершенно случайно.

Маркел сидел в чайхане, спуская последние деньги. Взять их было просто не у кого. Аборигены были просто нищие, а те, у кого водились деньжата, заблаговременно обзавелись не только стволами, но и многочисленной охраной. На Маркела зло косились, но не трогали. Видимо, синие зоновские зарисовки о чем-то говорили местным. Таркан подсел к нему сам. Первым начал разговор. Предложил долю. Самое удивительное, именно в том деле, о котором Маркел только мечтал. С того дня они стали неразлучны. Бывший химик, выпускник местного университета и бежавший из таежной зоны уголовник с темным прошлым.

Лошадиное ржание, разбудившее Арсения, донеслось снова. Переведя на миг прибор ночного видения в сторону, откуда исходил звук, он ясно различил довольно большой табун лошадей. Что удивительно, все они были оседланы. А вот в лагере туристов происходило что-то странное. Там метались лучи фонарей, наблюдалась какая-то возня, сильно похожая на драку, да и людей в лагере оказалось вдвое больше, чем было. Ничего не понимая, Арсений продолжал наблюдать за происходящим.

Даже на максимальном увеличении трудно было разобрать детали, но в одном он был уверен: на туристов напали. Кто, пока не ясно. Солнце медленно выползло из-за гор. Арсений взялся за бинокль – в нем увеличение побольше. Теперь можно было разглядеть, как связывали людей, как один из нападавших шарил под свитером одной из девушек, нашел Арсений и ту, что сидела вечером вместе со старшим у костра. Руки скручены за спиной, на лице кровь. В какой-то момент он вновь встретился с ней взглядами. В глазах девушки стояла такая боль и отчаяние, что Арсений ощутил, как сжалось сердце. Скрипнув зубами, он потянулся к карабину. Прикинул расстояние. Слишком далеко! Тяжелая пуля конечно же достанет, да только точность такого выстрела оставляет желать лучшего. В одиночную цель, конечно, он попал бы, но и туристы и нападавшие находились так близко друг от друга, что вероятность ошибки была слишком велика.

Стараясь не высовываться, чтобы не выдать себя раньше времени, Арсений начал потихоньку подбираться ближе, чтобы стрелять наверняка. Он уже почти спустился с горы, когда увидел, что пленников начали сажать на приведенных лошадей, связывая при этом ноги под

конским брюхом. Это было совсем худо. Звук выстрела мог испугать животных, со связанными за спиной руками удержаться на верткой монгольской лошадке весьма не просто. Не дай бог лошади понесут, и головы связанных людей, не удержавшихся в седле, попросту расколотит о камни, как спелые арбузы. Спасать будет некого. Сокращая дистанцию, Арсений стал перебежками приближаться к лагерю. К несчастью, караван тронулся и начал удаляться. Конный шаг хотя и не слишком скор, но быстрее шага человека. Арсений бежал следом, с ужасом понимая, что, если караван не остановится в течение ближайших двух часов, отрыв будет только увеличиваться.

Расстояние и впрямь не сокращалось. Маленькие мохнатые лошадки споро двигались среди камней, уверенно выбирая дорогу. Арсений, стараясь не быть обнаруженным раньше времени, размеренно бежал следом, не упуская из виду караван. Солнце поднималось все выше и уже ощутимо припекало затылок. С каждым шагом бежать становилось все тяжелее, особенно на подъемах. Закинув карабин за спину, он внимательно смотрел под ноги. Споткнуться и упасть было никак нельзя. Еще хуже подвернуть ногу – его на этом плато никто никогда не найдет. То, что караван уходил на юго-запад, больше всего смущало Арсения. Если у них есть какой-то проход на границе, то не факт, что он сможет воспользоваться им. Относя себя к законопослушным гражданам, он никогда не бывал в тех краях и метод несения пограничной службы представлял себе слабо. Если исходить из его знаний, то выходило, что пограничники, перекрыв основные дороги, только патрулируют заведомо труднопроходимые места. Но как выяснилось, на его плато тоже есть неизвестные ему выходы! До последнего времени Арсений был абсолютно уверен, что проход под водопадом – единственный путь, доступный человеку, если он не птица или не карабкается по отвесным стенам, как паук.

Взобравшись на очередную гряду, Арсений вдалеке заметил неторопливо пылящий караван. Расстояние за последний час резко увеличилось. Он взглянул на часы. Погоня продолжается уже почти три часа. Он уже давно не бегал так долго. Стерев со лба пот, Арсений отхлебнул из фляжки нагретой воды и пустился бежать дальше. Об оставленных на скале вещах он не беспокоился. Зверью они не нужны, а вероятность, что на место его последнего бивака наткнутся люди, равнялась нулю. То, что за последние два дня он обнаружил два неучтенных кострища и группу туристов, было скорее случайностью, нежели правилом.

Караван тянулся все дальше и дальше. Силы понемногу оставляли Арсения. Когда, вскарабкавшись на очередной скалистый хребет, он увидел вдали остановившихся лошадей, то даже не смог обрадоваться. Грудь ходила ходуном, словно кузнечные меха. Руки дрожали. Натертое ремнем карабина плечо нестерпимо ныло.

Арсений согнулся и, опершись на колени, попытался восстановить дыхание. В горле пересохло. Воздух вырывался из легких раскаленный, будто там, в груди, горело пламя. Арсений непослушной рукой снял с пояса флягу. Воды осталось на пару добрых глотков. Сдерживаясь, он только смочил распухший язык, смочил шершавое саднящее горло и завинтил пробку. Сквозь кровавый туман, застилавший глаза, Арсений попытался разглядеть, что происходит впереди, но не смог. Изображение в окулярах прыгало в такт с бешено бьющимся сердцем. Сняв с растертого плеча карабин, он, стараясь успокоиться, двинулся дальше. Камни сами собой бросались под ноги, Арсений едва успевал уворачиваться от преград. Он уже почти достиг подножия склона, когда земля вдруг бросилась прямо в лицо, больно ударила в грудь и, кровавя руки, проехала по всему телу.

У него еще хватило сил привстать на четвереньки и немного проползти, пока не рухнул окончательно. Прошло долгих минут десять, прежде чем Арсений смог пошевелиться. Отполз к камню, старчески кряхтя, привалился к нему спиной. В глазах плясали разноцветные огоньки. В затылке пульсировал расплавленный свинец. Усталость и боль скручивали напряженные мышцы жгутом. Сердце, готовое выскочить из груди, билось так, что, казалось, его можно услышать за сотню шагов. Арсений слабо усмехнулся. Губы болезненно искривились.

Грязное, в подтеках пота и пыльных разводах лицо, больше напоминающее посмертную маску, исказилось. Как же назывался тот фильм? Что-то про глаза! Смешно, но из-за глаз девушки он и бросился в погоню за караваном! Именно ее он так хотел освободить! Дело вовсе не в справедливости! Она и эти глаза впечатались в сознание еще в тот момент, когда Арсений впервые ее увидел. За ней он пошел, а не за туристами, до которых ему не было совершенно никакого дела. И теперь он хотел ее спасти, унести на руках от людей, похитивших ее. Привести в свою хижину, уговорить, убедить, чтобы она осталась с ним. Навсегда! На всю оставшуюся жизнь!

Ингу грубо сорвал с лошади один из похитителей. Просто рассек ножом веревку, связывающую ноги, и выдернул из седла. Когда она пошатнулась на онемевших ногах, он даже не сделал попытки поддержать, просто отпустил и с хохотом смотрел, как Инга упала на камни. Впрочем, и остальные члены группы были не в лучшей форме. Трясая дорога вымотала сильнее, чем долгий пеший переход. Но самое худшее даже было не это. В туалет хотелось до боли. Но со связанными за спиной руками невозможно было даже помыслить о том, чтобы расстегнуть брюки. Оглушенные при нападении ребята давно пришли в себя, и теперь только засохшая на лицах кровь напоминала о том, как их били. Инга, потерявшись о плечо, попыталась убрать стянувшую щеку засохшую корку, но она только потрескалась и, похоже, так и осталась на лице. Главарь лениво прошелся вдоль сидящих на земле туристов и, остановившись напротив Валеры, пнул его ногой:

– Ты, что ли, этими командовал?

– Я. Прошу, развяжите руки, моим ребятам в туалет нужно сходить. Кроме того, с нами женщины, им надо себя в порядок привести, – негромко, но твердо потребовал Валера.

– Ишь ты, какой шустрый! Вам, значит, лапки развяжут, а вы в разные стороны? – захохотал главарь. – Мне что, вас после по горам, как зайцев, ловить? Обойдетесь. В штаны сходите! Не баре!

– Нам бежать некуда! Маршрут знаю только я! – продолжал настаивать Валера.

– А на хрена им маршрут? Твоим архаровцам лишь бы сдернуть! Не того разводишь! – продолжал куражиться главарь. – Ладно, сегодня я добрый. По двое, можете встать и сходить по нужде. Друг дружке и расстегнете, и подержите, и заправите, а мои пацаны присмотрят! Ты, как самый умный, последним пойдешь! Понял?

Валера даже не успел кивнуть, как тяжелый ботинок с силой вонзился ему в живот. Глухой стон вырвался из груди. Но Валера не закричал от боли.

– Ну, не полегчало? – с издевкой спросил главарь.

Унизительная процедура все же принесла облегчение. Инга и Таня пытались прикрывать друг друга от любопытных глаз, но успели наслушаться и похабных замечаний, и не менее пошлых советов. Их конвоиры на скорую руку перекусили, но ни парням, ни девушкам не дали даже по глотку воды. Их вновь посадили на лошадей и теперь погнали вскачь. Инга, когда ее забросили в седло, невольно оглянулась в ту сторону, откуда они приехали, в какой-то миг ей показалось, что на нее кто-то смотрит. Но как она ни всматривалась в каменистую гряду на горизонте, так ничего и не увидела.

Следующая остановка состоялась только вечером. По прикидкам, они ушли от своего маршрута по меньшей мере километров на сорок, а то и на все пятьдесят. Валера, когда оказался рядом с Ингой, поделился этими соображениями и дал понять: здесь вероятность, что их найдут, практически равна нулю. На ночь их всех связали так, что распутать веревки или перетереть их не было ни малейшей возможности. Дневная жара вначале уступила место ночной прохладе, а после наступила бесконечно долгая и нестерпимо холодная ночь.

К утру от холода так свело мышцы, что Инга даже не в силах была пошевелиться. Бандиты, сменяя друг друга, всю ночь караулили группу, по-видимому всерьез опасаясь побега. Даже разговаривать не разрешали. Естественно, уснуть и тем более отдохнуть не удалось. Рано

утром, едва небо чуть посветлело, их опять посадили на лошадей, и кавалькада тронулась в путь. Ближе к полудню монгол, который постоянно находился поблизости от вожака, что-то сказал одному из бандитов, и тот, обогнав колонну, умчался вперед. Спустя час устроили привал. Судя по тому, как напряженно вели себя бандиты, можно было предположить, что граница где-то близко.

Татьяну трясло, очевидно, ночь не прошла даром. Переохлаждение, усталость и нервное напряжение сломало девушку, но самым ужасным было то обстоятельство, что главарь на каждом привале не просто ощупывал ее, но и явно демонстрировал свое намерение. Все это происходило на глазах жениха Тани, замечательного парня Сергея. Тот, не в силах чем-либо помочь невесте, только рычал от гнева, за что непрерывно получал пинки и удары бандитов. Несколько раз беззащитного парня избивал и главарь. Причем делал это с явным удовольствием.

Вернувшийся гонец о чем-то перемолвился с главарем, которого все называли Маркел, и тот дал команду седлать лошадей. С конских морд стянули торбы с овсом и, рассадив пленников, тронулись в путь.

Вечер застал их в пути. Инга рассчитывала на отдых, но караван продолжал двигаться дальше. Тьма сгущалась. Уже не видно, куда ступает лошадь. Неожиданно кто-то тронул Ингу за лицо. Она вздрогнула, отшатнулась и едва не свалилась с лошади. Только теперь почувствовала, как изменился запах. В воздухе пахло смолой и хвоей, совсем как на Новый год! И еще изменился звук, с которым копыта лошадей ударяли о землю, – он стал тише, приглушеннее. Голоса похитителей, напротив, зазвучали громче, возбужденнее. Похоже, дорога подходила к концу. И действительно, еще через полчаса впереди забрезжил свет и дорога вывела к освещенному квадрату, обнесенному колючей проволокой. Несколько щитовых домиков и длинный барак посреди площадки. Какие-то люди подошли к прибывшему каравану, как только за ним закрылись ворота из колючки. Пленников стащили с лошадей, наконец развязали им руки и под возгласы охранников сорвали с них одежду.

Арсений наблюдал за уходящим караваном до тех пор, пока тот не скрылся из вида за далекими горами. Дыхание уже восстановилось, но слабость еще оставалась. Справедливо рассудив, что если не удалось догнать сразу, то у него остается шанс отыскать и настигнуть похитителей позже, Арсений решил вернуться в хижину и основательно подготовиться к спасению той, чьи глаза поразили его в самое сердце.

Он потряс пустую фляжку, окинул взглядом окрестности и, убедившись, что воды добыть нигде, закинул на плечо карабин. То, что добираться придется долго, его не пугало. Сначала быстрым шагом, а после, когда мышцы разогрелись, то и бегом Арсений пустился в обратный путь. Увы, как он ни старался, но к закату так и не достиг той скалы, где оставил спальник и припасы. Ноги гудели от перенапряжения. Каждый шаг болью отдавался в измученном теле. Единственной удачей было то, что километрах в десяти от того места, где он прекратил преследование похитителей, ему удалось набрать полную флягу воды. Небольшой ручеек, стекавший из далекого ледника, освежил его, дал возможность продолжить трудный путь. Голод, непрерывная составляющая трудного перехода, уже давно терзал его, но вода, по сути, спасала жизнь. Вдоволь напившись, Арсений позволил себе короткий отдых, прежде чем побежал дальше.

Когда солнце скрылось за горами и иссушающий зной сменился прохладой, двигаться стало немного легче, но, к сожалению, сил уже не было, чтобы достигнуть заветной скалы. И все же удача не оставила Арсения. Незадолго до заката, буквально в последних лучах уходящего светила, он заметил невдалеке желто-серую спинку суслика. Тот, заслышав посторонний шум, встал столбиком, настороженно оглядывался. Арсений остановился и медленно, стараясь оставаться незамеченным, потянул с плеча карабин. До цели было чуть более ста метров, однако тяжелое дыхание и рвущееся из груди сердце не самые надежные союзники при

стрельбе. Только медлить было нельзя! С трудом поймав в пляшущий прицел зверька, Арсений выстрелил.

Зверек так и не успел понять, что произошло. Тяжелая пуля отшвырнула тушку метров на пять. Арсений на бегу вытащил нож. Упустить добычу никак нельзя – желудок уже присох к позвоночнику. Когда же он добежал до зверька, тот уже не подавал признаков жизни. На то, чтобы снять шкуру и разделать тушку, понадобилось не более получаса. Решив не возиться с костром, Арсений рвал зубами кровоточащее мясо, чувствуя, как силы возвращаются в усталое тело. Покончив с едой, он прислонился спиной к камню и задремал.

Холод забирался в пропотевшую одежду быстро. Нагретый за день камень какое-то время хранил тепло, но вскоре и он перестал согревать. Эх, в тайгу бы сейчас, свалил сушину, поджег с комля и спи себе неподалеку – когда она еще сгорит! В горах же, среди камней и жалкой растительности, об этом нечего и мечтать. Когда стало совсем холодно, Арсений поднялся и сделал несколько шагов на ноющих, дрожащих от усталости ногах. Чтобы не замерзнуть, необходимо двигаться. Его трясло. И все-таки, преодолевая боль, он направился дальше.

Огромная яркая луна заливала холодным светом плато. Угольно-черные тени тянулись от каждого камня, яростно подчеркивая все трещины и неровности. Пейзаж казался нереальным, сюрреалистическим. Тяжело ступая, Арсений, пожалуй, на одной только воле упорно двигался к намеченной цели. Скалы он достиг лишь перед самым рассветом. С трудом вскарабкался туда, куда чуть более суток назад легко взбежал. Разжег небольшой костерок из остатков сухого горючего, обжарил несколько солидных кусков мяса и, завернувшись в спальный мешок, уснул.

Три часа сна позволили ему вполне сносно отдохнуть, и, хотя тело болело, словно его пропустили через камнедробилку, Арсений собрал пожитки, плотно позавтракал и побежал к хижине. Отсюда до нее было не более дня пути.

Он ясно сознавал – отшельничество закончилось. Чужой, агрессивный мир вторгся в его укромный уголок. То, что Арсений когда-то оставил, настигло его и здесь, среди каменистых пустынь, отвесных скал и кристально чистых вод, стекающих с древних ледников. Нужно ли ему возвращаться? Стоит ли та девушка с огромными васильковыми глазами того, чтобы он вернулся в жестокий мир людей, бросив насиженное место, восхитительную охоту и вечный покой, в котором так легко думается? На этот вопрос ответа не было. Необходимо было решить, зачем ему ввязываться в чужие разборки? Какое, собственно, ему дело до каких-то туристов, которые ищут приключения на собственную задницу?

Кто их сюда привел? Тот пацан, что увивается возле красавицы с васильковыми глазами? Так пусть он их и выручает! Арсения совершенно не касается то, что с ними происходит. Он живет так, как ему нравится. Людей не трогает и к себе не подпускает! Сами вляпались – пусть сами и выпутываются! Сидели бы в своем городе и не лезли в горы! Это его плато, его земля. Охота кормила его до тех пор, пока какие-то ненормальные не спугнули его баранов! Нет, он никого не должен спасать! Не для того он отыскал в свое время этот укромный уголок, чтобы выручать из беды бродяг. Кроме того, у девушки с удивительными глазами есть этот ухажер. Наверняка она его любит, а Арсений уже по горло сыт отношениями с женщинами. Ему никто не нужен! Ведь тут так хорошо жить в полном одиночестве! Он устал от общения с себе подобными еще там, в большом мире, и совершенно не хочет туда возвращаться. Здесь не нужны деньги, тут нет необходимости постоянно искать компромиссы. Все, что ему нужно для существования, он добывает сам. Когда возникает потребность поговорить, можно позвонить матери. «Я устал от всего этого! Я хочу покоя и тишины!» – убеждал себя Арсений, с каждым шагом приближаясь к уютному дому, который построил собственными руками. Он старался забыть то, что видел, и уже осталось вроде бы совсем немного, чтобы из памяти ушли воспоминания о туристах и о девушке. Как ни рассуждай, а собственный покой куда важнее чьих-то хлопот.

Инга дрожала от усталости и страха. Унижение, через которое пришлось пройти, нельзя было сравнить ни с чем ранее пережитым. Словно время повернулось вспять и сейчас не двадцать первый век, а страшные сороковые века двадцатого. То место, где они очутились, больше всего походило на маленький концлагерь, затерянный где-нибудь в предгорьях Альп. Разве что охранники не в черной эсэсовской форме, а во вполне современном камуфляже. Но отношение их к пленникам было таким же – грубость, избиения и унижение. Они стояли на плацу больше часа, голые, беззащитные. Какой-то белобрысый парень с резиновым шлангом в руках лениво прохаживался перед шеренгой и на выбор бил наотмашь мужчин и женщин по животам, ягодицам, бедрам. Самое ужасное было в том, что это доставляло ему несказанное удовольствие. Меньше всего досталось Инге. Главарь, по всей видимости, имел в этом концлагере несомненную власть. В тот момент, когда черный резиновый шлаг уже взлетел, чтобы опуститься на бедро Инги, Маркел крикнул «Отставить!», и парень изменил направление удара. Шланг только скользнул по ее голени, тем не менее причинив нешуточную боль. Остальных, очевидно, было приказано не жалеть. На Татьяне истязатель особенно развлекался. Старался бить так, чтобы причинить девушке как можно больше боли. Мужчины стояли неподвижно, заложив руки за головы, под прицелом автоматов, не решаясь даже пошевелиться. Малейшее движение тут же пресекалось жестоким ударом, от которого жертва едва могла удержаться на ногах. Сергея избили так, что он уже не мог стоять. Окровавленный, он лежал на песке, и никому не позволили подойти к нему, чтобы оказать помощь. На рассвете к ним, стоящим на плацу, выгнали из барака еще группу людей. Приблизительно человек двадцать, в набедренных повязках, босых. Среди них были две женщины, тоже со следами жестоких побоев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.